

Вас люблю

В октябре исполняется пять лет, как не стало Сергея Федоровича Бондарчука. За это время слышала пена перестроечных разоблачений и фигура этого режиссера заняла подобающее ей место в истории нашего кинематографа. Масштаб его личности проявлялся не только в профессии, но и в частной жизни. О своем отце, об их сложных отношениях, о проблемах их общей профессии рассказывает сын Сергея Бондарчука и Ирины Скобцевой, режиссер и актер Федор Бондарчук.

— Вам когда-нибудь бывало стыдно за отца?

— Никогда. И ни-когда в жизни я не слышал от него ни слова оправданий за свои поступки. Отец был тяжелым в общении человеком. Семья знала, что если он молчит и грозен как туча, это может продолжаться день, неделю, месяц, а может, и много дольше.

Вы не можете себе даже вообразить, что представлял — и по-прежнему представляет — для меня отец. Я проводил с ним мало времени. Вернее, он на меня тратил мало времени. Потому что всегда был загружен работой. Его просто не было дома, он все время либо снимал, либо снимался. Но его воспитание я чувствую постоянно. Если мой сын когда-нибудь сможет сказать те же слова, я буду счастлив. Отец действовал не словами, а всем своим образом, манерой поведения. Эта была фигура такого огромного масштаба, с такой бешеной энергетикой, что мне не требовалось слов «так делать нельзя, а так нужно». Достаточно было просто наблюдать.

— Вы помните, как впервые увидели его фильмы?

— Я тогда учился в первом классе. Отец мамы, Ирины Константиновны Скобцевой, дедушка Костя, часто забирал меня из школы. Однажды он повел меня в кинотеатр гостиницы «Метрополь», где показывали фантастическую картину «Молчание доктора Ивенса». Отец был потрясен, в самом расцвете своей мужской силы: иссиня-черные усы и белоснежная шедевр. Отец тогда только снял «Ватерлоо», был страшно модный и половину времени проводил за границей. Он был для меня так же недосыаем, как инопланетянин.

Я мотался на съемки все детство. Мама даже говорит, что я был в Ужгороде на «Ватерлоо». Но первое сознательное воспоминание о кинопроцессе — огненно-рыжая шетина Шукшина, встречающего нас с мамой на вокзале Волгограда, где снимали «Они сражались за Родину».

— А сниматься вместе вам приходилось?

— Отец снимал меня в «Борисе Годунове». И в «Тихом Доне» он меня снимал: по-родственному. В сцене офицерского собрания отец сыграл генерала, а я его адъютанта. Отец произносил тост, мы переглянулись и выпили.

Но мечта о большой работе оставалась. Был даже написан сценарий «Синяя армия» по сюжету Ивана Охлобыстина, где я играл внука, а отец — деда. Снимать должен был Степан Михалков. На аэродроме уже стояли два набитых техникой самолета, готовых отправиться в Таджикистан, в Исфору, — старейшую кинематографическую площадку. В основе фильма лежал сюжет, перекликающийся с фильмом Вима Вендерса «Париж, Техас»: в пути от Москвы до Таджикистана, в

поисках внука, человек по-новому познает жизнь. Но финансирование картины было частным, и, не успев начаться, прекратилось.

— Не могу не спросить, как обстоят дела с последним фильмом Бондарчука «Тихий Дон», который так до сих пор и не вышел на экран?

— Пока глухо. Продюсер обанкротился, и фильм арестован английским банком. Попытки правительства и некоторых частных компаний его выкупить пока безрезультатны. Картина смонтирована в черновом варианте и не озвучена. Простите за высокие слова, но доделать ее — мой сыновний долг. Весь подготовительный период я провел с отцом в Италии, я знаком с композитором, написавшим главную тему. Конечно, тому, кто выкупит фильм, будут принадлежать все права, но наша семья выступит с пожеланиями, чтобы именно я доделал картину и выпустил ее в свет.

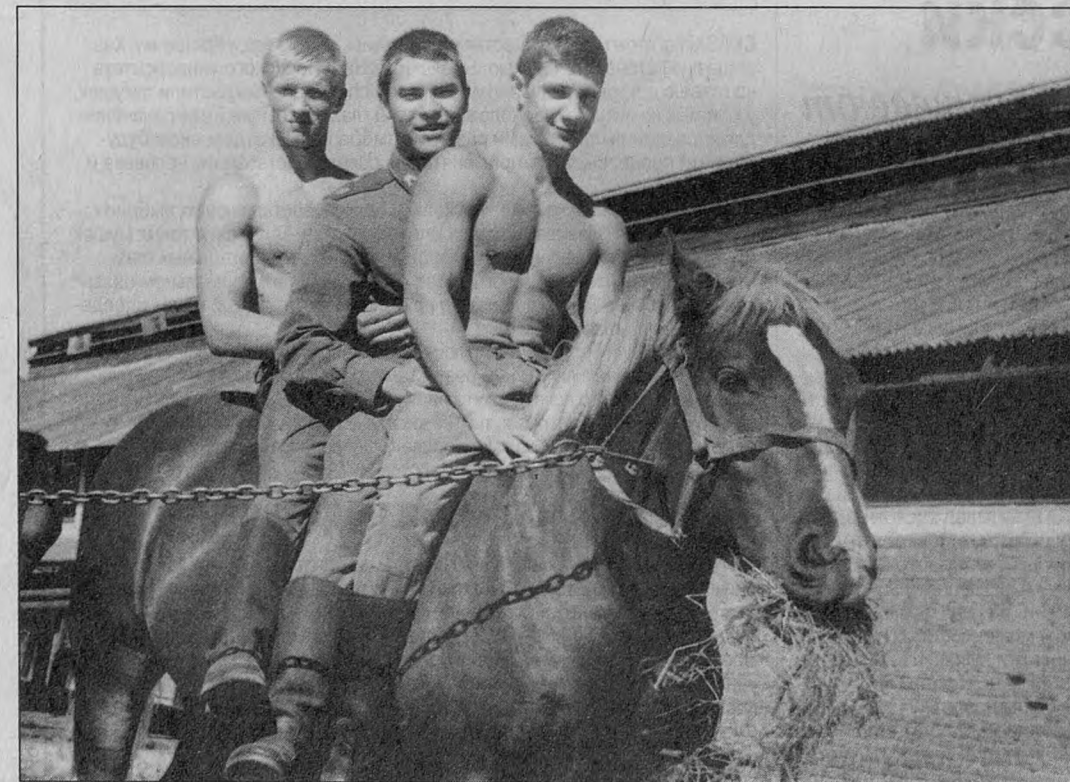
— Говорят, родители готовили для вас другую — отнюдь не кинематографическую — судьбу?

— Мама видела меня дипломатом и была уверена, что я должен поступать в МГИМО. Но, честно говоря, я тогда и Институт международных отношений — это Луна и Земля. Как обычный мальчик я бы туда никогда не поступил. Не то чтобы я плохо учился: я вообще не учился. Так что меня в МГИМО пробивали на бронетанковых войсках. И пробили бы, будьте уверены.

Уже сдавал первый экзамен, когда отец приехал в институт и увез меня домой. Он никогда в жизни никуда за мной не заезжал. Так что у меня его появление вызвало настоящий шок. Он сказал: «Пойдешь во ВГИК». Я и пошел.

— Вам было все равно?

— В то время меня волновали совсем другие вопросы. Я жил уличной жизнью: Тверская улица, дача. Друзья на Николиной горе и в Жуковке. Я думаю, что еще успею в себе разобраться. А

Служили три товарища. В центре Ф. Бондарчук

Сын Пьера и Элен

Федор Бондарчук
знает героя нашего времени

загнала, началась тропическая жара. Я все ковылял и ковылял, но когда уже стала видна голая кость, меня отправили в больницу в Москву. Там еще два месяца подбирали лекарства. Меня навещали мои приятели, и как-то одноклассница привела свою подружку. Это было в 86-м году. С тех пор мы вместе. Жена закончила первую школу манекенщиц «Бурда», работала на подиуме, даже съездила в Сингапур на конкурс красоты. Но предпочла посвятить себя мне, детям и дому.

Свадьбу мы не играли, ко времени регистрации сыну исполнилось уже два года. Но, к сожалению, мы до сих пор не венчанные, а это треша большая. Вот перед тем, как крестить Варечку, обязательно повенчаемся.

— Вы общаетесь со своей старшей сестрой, дочерью Ирины Макаровой, Натальей Бондарчук?

— К сожалению, редко: она человек чрезвычайно занятой. Я приобрел сестру уже в зрелом возрасте. По большому счету, мы не провели вместе ни детства, ни юности. Но я благодарен своей маме, приложившей все силы к восстановлению наших кровных уз.

— Как вы пережили V съезд кинематографистов, на который ваш отец даже не получил депутатского мандата?

— Я вернулся из армии уже после съезда, в 87-м. Во ВГИКе на меня смотрели как на сына кулака или, вернее, родственника красного комиссара. Тогда появились какие-то студенческие организации, устраивались бунты, студенты считали возможным самостоятельно выбирать себе педагогов. Уходили ученики от Юрия Николаевича Озерова, с которым я остался до конца и которого считал мастером. Безусловно, в первых рядах халялось имя Бондарчука. Но кроме снисходительной злости я ничего не испытывал.

В институте наш курс называли «взвездным»: Ваня Охлобыстин, Александр Баширов, Сергей Козлов, ныне работающий в Лос-Анджелесе и только что закончивший картину с Кончаловским, Михаил Мукасей. На седьмом курсе учился Рената Литвинова. Эта достаточно серьезная публика сегодня называется «современным российским кинематографом».

Участь на постановочном факультете, на старших курсах я играл во всех сюжетах только образованных мастеровских. Например, в первой Экспериментальной студии того же Сергея Александровича Соловьева. Я играл у Баталова на актерском факультете. Короче, я был довольно видной фигурой, этаким институтомским флагманом. Так что «положил на всех с прибором» и отличился чувствительно.

— И продолжали здороваться с теми, кто поливал грязью вашего отца?

— Как можно не ползать руку всем тем, кто голосовал? Правда, одно время у меня была мысль посмотреть бумажки по съезду, ведь печатать далеко не все. А среди выступлений были не только вызванные ситуацией в стране, перестройкой и новыми веяниями, но и просто оскорбительные. 80 процентов сидящих

тогда в зале не сделали для кинематографа даже толки того, что сделал мой отец одной картиной «Судьба человека».

— Ваше поколение многие обвиняют в легковесности. Вспомните вашего отца и действительно поверьте.

— Разобшенность нашей жизни приводит к хаосу в наших мыслях, к внутреннему состоянию рассредоточенности. Это неудивительно, ведь еще пятнадцать лет назад мы жили совсем в другой стране. Меня в последнее время очень интересует тема современного героя. Тот тип, который насаждается сегодня, в том числе и молодым кинематографом, мне не близок.

— Вы передернетесь, если вас назовут героем нашего времени?

— Напротив, мне будет приятно. Вообще-то, я вижу героя нашего времени в образе Филиппа Янковского, который сыграет главную роль в моем первом полнометражном фильме с рабочим названием «В движении». Если все будет хорошо, премьера состоится через год. Это современная московская история с немудреным сюжетом, без преступлений, наркотиков и криминала. В фильме о простых человеческих отношениях действуют почти пятьдесят персонажей. Согласились сниматься Дина Корзун, Артем Михалков, наденуся уговорить Олега Ивановича Янковского.

— Участие в картине Олега Янковского — прямая отсылка к «Полетам во сне и наяву», где Янковский сыграл героя 70-х?

— Фильмы Балаева — пример для меня и сценариста Геннадия Островского. Одно время я пытался привести в сюжет детективную линию. Но Островский настаивал на том, чтобы интерес в картине был только эмоциональным: пусть увлекает не сюжет, а актеры. Я еще не знаю, кто кого будет играть, но мы уже «сговорились». Есть такое театральное словечко. Если получилось «сговориться», значит, возникли актерские взаимоотношения, значит, все может получиться.

Я расстроился, узнав, что Филипп Янковский снимается в главной роли Трубачева у Александра Гавриловича Абдулова. Но я посмотрел фотопробы и понял, что его герой — слишком романтичный, этаким Принцем. Принц, что тоже расхочется с моим представлением. Я уверен, что Филипп — бомба замедленного действия, которая вот-вот взорвется. Он превратится в мега-культовую фигуру в пределах российской границы.

— Отец успел увидеть ваши работы?

— Ему понравилось. Сказал, что «здорово» и что сам хочет делать то же. Отец был очень пластичным, ему было интересно все новое. Возьмите «Войну и мир», сцену бала — тот же клип. Абсолютно современный монтаж, хотя и сделано все было вручную.

— Тем не менее никто из именитых художников не снимает клипы. Хотя большинство последние десять лет просидело без работы.

— Поначало отношение к клипам было такое: «О, большой художник, а тут эта мазня». Но потом спросили: кто снимал эти банковскую рекламу? Феллини. А кто автор этого клипа? Алан Паркер. И появился новый вопрос: а возьмет ли мой отец в это дело?

— Тем не менее все клипмейкеры мечтают снять большое кино.

— А я и снимаю. Но никогда в жизни не откажусь от съемки клипов. Одно время я всерьез занялся бизнесом, но оставил это дело. Вот Антоша Табаков, крепкий моего сына, стал серьезным бизнесменом. Иногда я его спрашиваю: «Антоша, хочешь, я тебя сниму?» Он только машет руками: «Оставь меня в покое».

— Вы такой фактурный актер, а снимаетесь редко. Почему?

— Вы и представить не можете, как мне это обидно. Но меня не приглашают! Когда-то я заявил, что не буду больше играть подполков, но сегодня согласен на кого угодно. Но меня... боятся. Даже Гриша Константинопольский, сънявший меня в «8½ долларов», признался, что испытывал передо мной робость, как будто между нами какой-то барьер. А когда я прихожу на студию, меня просят: «Ну, Федь, уходи. Чего ты хилишь, зажимаешь людей?» Я это отношение ощущаю постоянно. И, что греха таить, иногда оно меня радует.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласию с редакцией.
Ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛЮХИНА
Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
С этим знаком и в рамках публикации
пресс-релизов, информационно-
коммерческой информации.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила ЛИП. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 288168 экз. (региональный — 212000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене —
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 29.09.99 г.
Заказ 2200.

Наш подписной индекс: 32138

